

ПОНЯТИЕ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РЕЧИ

МАРИНА ЮЖАННИКОВА
Сибирский федеральный университет
yuzhannikova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие двусмысленности и потенциал ее использования в речи. Двусмысленность, относящаяся к явлениям речи, разграничивается со смежными понятиями языка. Двусмысленность представлена как явление амбивалентное, которое может быть не только затруднением речи, то есть ошибкой, но и служить основой для создания стилистических приемов двусмысленности. Приведенные соображения носят общий характер и могут быть использованы при рассмотрении двусмысленности в других языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: двусмысленность, стилистический прием, ошибка, полисемия, омонимия, неопределенность, синкретизм.

THE NOTION OF AMBIGUITY AND IT'S SPEECH REPRESENTATION

MARINA YUZHANNIKOVA
Siberian federal university

ABSTRACT

The article examines the notion of ambiguity and it's discursive potential. Ambiguity as a speech phenomenon delimited with the closely-related concepts of language. Ambiguity is treated as an ambivalent phenomenon, which is not only impediment of speech, AS an error, but also can be used as a base of creation of some stilistical devices. Gived considerations are general and will be used for ambiguity treatment in others languages.

KEY WORDS: ambuiguity, stilistical device, error, polisemy, omonimy, vagueness, sincretism.

I. ПОНЯТИЕ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ

Один из постулатов Г.П. Грайса, фиксирующих коммуникативную норму, – постулат манеры: "Выражайся ясно!" – содержит требование: "Говори однозначно!". Однозначность речи традиционно считается нормой. Тем не менее, требование это нарушается довольно часто. Это происходят либо случайно, неосознанно, когда человек ошибся, неудачно построил свое высказывание, либо специально, когда это отклонение прагматически мотивированно и, по сути, является приемом, в обоих этих случаях

нарушение постулата "Говори однозначно!" приводит к возникновению двусмысленности.

Двусмысленность мы понимаем как наличие у высказывания или его фрагмента двух и более дискретных смыслов, проявляющихся одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием механизмов создания двусмысленности с особым контекстом.

Двусмысленность в основном рассматривается как категория отрицательная, как дефект языка и речи. К негативным явлениям, «болезням» языка относят, как правило, полисемию и омонимию, которые приводят к появлению двусмысленности (Эман 1960; Реформатский 1967; Логачева 2009). Например, А.А. Реформатский считал, что омонимия – это *"досадное неразличение того, что должно различаться"*, отмечая при этом положительную роль омонимов в создании каламбуров и анекдотов, где как раз нужна *"игра слов"* (Реформатский 2002: 94). При этом та же И.С. Логачева цитирует Ф.И. Маулера, который считает, что омонимия *"содействует компактности языка, и это – позитивное явление"* (Логачева 2009: 53). О том, что омонимия, как и полисемия, *"служит на пользу говорящим"* говорил и Э. Биюссанс (цит. по Малаховский 2009: 24). Сам же Л.В. Малаховский далек от положительной оценки омонимии, так как она приводит к неоднозначности, то есть ухудшает кодовые свойства языка и снижает его эффективность как средства общения. А.А. Зализняк, выделяя поэтическую и бытовую неоднозначность (двусмысленность), говоря о последней, отмечает, что *"с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является "браком" в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена"* (Зализняк 2003). Е.В. Падучева пишет: *"Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все "имеются в виду" <...>, следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом"* (Падучева 1982: 85). Г.В. Колшанский писал, что выполнение языком его гносеологической роли возможно лишь при однозначности и определенности всех элементов высказывания, а Н.Д. Голев нарушением нормы считает сам факт *"актуализации противоположных членов любой антиномии в одном речевом акте"* (Голев 2000).

Исследования показали, что наличие двусмысленностей в тексте замедляет чтение, что связано с необходимостью разрешения двусмысленности (Levelt 1978; Gómez-Veiga et al. 2010), а речевая двусмысленность, обусловленная плохим знанием языка и культуры собеседника, может привести к коммуникативной неудаче.

В рекламной сфере двусмысленность также рассматривается неоднозначно. Некоторые рекламисты считают, что нельзя строить свои отношения с аудиторией по принципу "понимай – как знаешь", а

установку "Ничего плохого, если реклама окажется сложной. Я говорю с умными людьми, которые ее поймут" считают крайне ошибочной (dkg.com.ua). Имеется также экспериментально полученная информация о том, что довольно значительная часть рекламных сообщений понимается неверно, а некоторый процент опрошенных вообще не понимает, о чем идет речь в рекламе (см. подробнее (Матюшкин 2004)).

По мнению А. Фрей, некоторые ученые считают, что *"проблема состоит лишь в поиске средств, используемых языком для уничтожения существующих двусмысленностей"* (Фрей 2006). Двусмысленность, действительно, рассматривается в настоящее время как затруднение коммуникации и в первую очередь разрабатываются средства ее разрешения (desambiguation).

Но не всегда двусмысленность, хоть намеренная, хоть случайная, рассматривается как негативное явление. Она «вредит», когда приводит к дефектам и нежелательным эффектам в коммуникации. Если основной целью речи является ясное и точное сообщение информации, двусмысленность нежелательна, но в некоторых областях человеческой мысли и коммуникации, таких как поэзия, юмор, дипломатия и др., она не только не вредоносна, но иногда даже необходима.

В любом случае, как бы мы ни относились к двусмысленности, существование ее в естественных языках неизбежно (Балли 1955; Фрей 2006; Пономарева 2005; Османова 1962; Будагов 1958). Феномен двусмысленности находится в центре противоречия двух фундаментальных потребностей языка: стремление к краткости порождает двусмысленность, а стремление к ясности борется с ней. Таким образом, язык имеет множество способов не только избавляться от двусмысленности, но и создавать ее. Традиционно в речи мы стараемся избежать двусмысленности, если ее создание не является нашей целью. Эта потребность в создании двусмысленности предположительно реализуется сходно в разных языках, различаясь лишь в связи с особенностями грамматического строя языка, механизмами которого она и создается. Несмотря на различие реализации двусмысленности в разных языках, стремление языков к ясности и краткости поддерживает в них примерно одинаковый процент двусмысленных высказываний, именно поэтому Ш. Балли скептически относился к идее выявления языков более ясных, менее склонных к двусмысленности (Балли 1955). Существование двусмысленности вполне возможно и в правильной речи, следовательно, двусмысленность можно отнести к явлениям амбивалентным (ср. ст. об амбивалентности омонимии (Логачева 2009)). С ее помощью реализуется тяга языка к экономии и проявляется гибкость мышления человека, хотя в случае прагматически немотивированного появления двусмысленности она может стать коммуникативным барьером.

Репрезентация двусмысленности в различных языках может отличаться, что приводит к сложностям в переводе, особенно комических произведений, где двусмысленность является текстообразующим явлением. Кроме того, средства порождения двусмысленности могут меняться не только от языка к языку, но и в одном и том же языке с течением времени (например, в связи с изменением системы: отмиранием падежей или артиклей). Например, французскому языку в большей мере свойственно явление, названное Шарлем Балли фонологической омонимией (вызванное отмиранием флективной системы), а в английском двусмысленность порождается чаще порядком слов или транспозицией глаголов и отглагольных существительных (вспомним хрестоматийный пример *Flying planes are dangerous*). При этом, например, в испанском или в русском языках двусмысленность такого типа невозможна, так как герундий не может быть именным. Несмотря на различия, многие механизмы создания двусмысленности одинаковы в разных языках, например, омонимия некоторых грамматических форм, в английском Participle II и Past Indefinite; Participle I и Present Continuous. В испанском – глаголов 2-го лица множественного числа в настоящем и простом прошедшем времени изъявительного наклонения. В русском омонимичны формы множественного числа глагола всех трех лиц в прошедшем времени изъявительного и сослагательного наклонения.

II. ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

В специальной литературе можно встретить ряд понятий, также противопоставленных однозначности и смежных с двусмысленностью, которые иногда отождествляются с ней. Это полисемия с омонимией, синкретизм и неопределенность. Например, М.М. Филиппова приравнивает лексическую неоднозначность к полисемии, а грамматическую двусмысленность называет синонимом грамматической омонимии (Филиппова 2007: 6-7). Разграничим эти часто смешиваемые понятия.

В первую очередь необходимо представить три основных подхода к понятию двусмысленности.

Первый подход заключается в утверждении того, что двусмысленность – фикция. Существует точка зрения, что термин «двусмысленность» избыточен, так как существуют понятия полисемии и омонимии, которые целиком покрывают его понятийное поле (Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, А.А. Потемня, Н.М. Шанский). Действительно, в исследованиях, проводимых в русле традиционной лингвистики, достаточно указанных понятий, но при выходе за ее рамки, в область антропоцентрической лингвистики, в частности в прагма- и

коммуникативную лингвистику, понятий омонимии и полисемии уже недостаточно, так как они являются феноменами языка, но не речи.

Другие исследователи все-таки признают возможность возникновения двусмысленности в некоторых случаях, но и с их точки зрения понятий полисемии и омонимии вполне достаточно, да и те интересны лишь как явление системы языка и в речи несущественны, так как нейтрализуются контекстом и ситуацией. Например, А.А. Зализняк считает, что *"поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова <...>: поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект"* (Зализняк 2004). А.Н. Гвоздев также писал, что *«создаваемую омонимами возможность двусмыслицы не следует преувеличивать, так как слова в речи используются не изолированно»* (Гвоздев 1965), при этом замечая, что омонимы обычно (sic!) обезвреживаются контекстом. Ему вторит Л.А. Булаховский: *"из контекста обыкновенно бывает ясно, <...> какое именно значение имеет то или другое омонимное слово, и серьезно угрожающие пониманию случаи в практике языка **возникают относительно редко** (выделено нами. – М.Ю.)"* (Булаховский 1953: 47). Еще дальше пошел А.В. Исаченко, утверждая, что для коммуникантов проблемы омонимии (и следовательно – двусмысленности) не существует. Из приведенных точек зрения видна их противоречивость, так как «обычно» не значит «всегда», а упоминание редкости возникновения двусмысленности тем не менее подтверждает ее существование.

Согласно второму подходу все языковые выражения двусмысленны. Некоторые исследователи, такие, как, например, Л.Г. Ким, считают, что *"каждое речевое произведение (текст) содержит потенциал множественности интерпретации"* (Ким 2010: 39). И.В. Арнольд поддерживает данную точку зрения, говоря о неполной элиминации всех значений слова, несмотря на то, что контекст реализует лишь одно из них. Эти значения существуют неким ассоциативным фоном, что оставляет *"возможность одновременной реализации двух значений – контекстуального и отраженного"* (Арнольд 1981: 121). Но анализ фактического материала показывает, что в действительности слово имеет столько значений, а высказывание имеет столько смыслов, сколько позволяет контекстом. То есть в контексте, не допускающем несколько смыслов у высказывания, слово или фраза будут пониматься единственным образом, более или менее точным. В связи с этим вызывает вопросы вторая часть вывода, сделанного Л.Г. Ким в результате проведенного ею эксперимента по выявлению двусмысленности фразы. После получения от испытуемых нескольких вариантов толкования фразы *"Раскапывайте погребенных в земле слепых исполинов"* она пишет: *«актуализованная в каждом толковании единственность смысла представляет собой реализацию одного из множества потенциальных семантических вариантов в их качественном разнообразии, что*

доказывает объективную способность языкового знака реализовать (в том числе в пределах одного речевого выражения) множественность смыслов» (Ким 2010: 42). Первая часть вывода справедлива, но во второй части не упоминается главенствующая роль контекста в реализации указанной способности языкового знака. Результаты эксперимента доказывают способность реализовать множественность смыслов лишь конкретной двусмысленной фразы, а не языкового знака вообще. Поэтому вывод о том, что *"любое языковое выражение, в том числе состоящее из общеупотребительных лексических единиц, построенное по законам грамматики, обладает потенциалом амфиболического функционирования и смысловой вариативностью"* (Ким 2010: 43), кажется чересчур обобщающим. Мы рассматриваем двусмысленность не как свойство любого текста, а как явление, которое может возникнуть только в определенном контексте и обладает конкретными качествами наблюдаемости, протяженности во времени и пространстве, то есть в большинстве случаев имеет как точку возникновения, так и точку разрешения.

Третий подход к пониманию двусмысленности основывается на положении о том, что двусмысленность порождается определенными средствами в определенном контексте (как лингвистическом, так и экстралингвистическом). Причем упомянутые нами ранее полисемия с омонимией, синкретизм и неопределенность относятся к таким средствам.

Данную точку зрения разделяет, например, Ю.Д. Апресян, который пишет, что *"возможность двоякого осмысления <...> не зависит ни от лексической многозначности входящих в них слов, ни от синтаксической неоднозначности лежащих в их основе конструкций, а создается в предложении определенной совокупностью языковых средств, каждое из которых в отдельности может быть совершенно однозначно"* (Апресян 1971: 509). Далее он приводит примеры речевой двусмысленности, которые порождаются лексической многозначностью, что еще раз подтверждает правильность отнесения полисемии к явлениям языка, а двусмысленности – к явлениям речи. Ср. с точкой зрения Хосперса, который писал: *"Слово не двусмысленно само по себе, оно используется для двусмысленности: оно двусмысленно, когда невозможно понять из контекста, в каком из значений оно сейчас используется"* (Hospers 1989: 14). Р.А. Будагов также говорит о равноуровневости двусмысленности и полисемии: *"Неоднозначность слова в речи сопоставима с многозначностью слова как единицы системы языка и, более того, на нее опирается"* (цит. по Литвин 2005: 8). Сам Ф.А. Литвин, говоря, что *"актуальная неоднозначность слова в речи есть результат взаимодействия структуры содержания слова с реальным контекстом, окружением, способствующим или препятствующим (с точки зрения адресата) реализации разных языковых потенций слова"* (Литвин 2005: 8), подтверждает внешний характер двусмысленности по отношению к значению слова. Полисемия и

остальные явления – лишь потенции, тогда как двусмысленность – реализация.

Двусмысленность создается нейтрализацией оппозиции «многозначность/однозначность» посредством устранения разрешающей функции контекста, при этом такое устранение является лишь кажущимся, так как для создания двусмысленности необходим специфический контекст, который в большинстве случаев создается намеренно. То есть утеря контекстом его разрешающей функции приводит к случайной двусмысленности, а создание такого контекста, в котором этой разрешающей функции заведомо не было бы, порождает двусмысленность преднамеренную. Двусмысленность – контекстно-зависимый феномен: практически любое явление языка в определенном контексте может порождать двусмысленность. Это происходит, когда контекст либо не способен обусловить выбор одной из возможных интерпретаций, например: *Во втором раунде американский боксер послал нашего в нокаут. Но наш спортсмен нашел в себе силы и послал американца* (Комок. 2008. № 17), или *В результате иностранные товары на границе страны внезапно дорожали и откатывались назад невостребованными. А отечественные промышленники смеялись и показывали им нос. И потом продавали по дешевке свои телевизоры "Рассвет", стиральные машины "Вятка", костюмы "Москошвея" и автомобили "Жигули" счастливому потребителю* (Комок. 2006. № 48), либо снимает возможность выбора не сразу: *Ладно, забирай ящик гранат. Да ты не маши руками. Не боевые же – фрукты это* (Вечерний Красноярск. 1991. № 1) Анализ фактического материала показывает, что слово имеет столько значений, а высказывание имеет столько смыслов, сколько позволяет контекст. Другими словами, в контексте, не допускающем несколько смыслов у высказывания, слово или фраза будут пониматься единственным образом, более или менее точным. Отметим, что явления, относимые нами к двусмысленности, обладают большим структурным и содержательным разнообразием. Их можно ранжировать от незначительного нарушения предсказуемости (где двусмысленность не разрешается правым контекстом, а создается и тут же снова снимается) до абсолютной двусмысленности (где сосуществует два равноправных значения). Ср. пример простейшего нарушения предсказуемости: *Археологи обнаружили стоянку первобытного автомобиля!* (Комок. 2008. № 17) и абсолютной двусмысленности: – *Товарищ генерал, а в суп мясо не положено!* – *Раз не положено, так какого хрена вы хотите?!* – *Да нет, по уставу оно положено...* – *Ну раз положено, так жрите.*

Подкрепим высказанные положения анализом фактического материала. В первую очередь проиллюстрируем разницу между двусмысленностью и полисемией с омонимией.

1) – *Почему внутренние органы не чешутся?*

– *Это вопрос юридический или анатомический? (bash.im).* В данном примере реализуется полисемия сразу двух слов из первого высказывания: *органы и чешутся*, хотя само по себе, без фокусировки на полисемии, оно носителями языка двусмысленным не воспринимается.

2) *Пьяный никак не может затолкнуть двушку в прорезь автомата.*

– *Напился, – а еще таксист, – сказала прохожая.*

– *С чего взяла?*

– *Шапка таксистская.*

В последней фразе полностью реализуется разрешающая функция контекста, двусмысленности нет, и даже полисемия прилагательного неочевидна. Но заключительная реплика заставляет осмыслить предыдущую по-новому:

– *Да, – задумчиво произнес пьяный, – а была ондатровая.*

3) *Приготовься! Взведи курок, проверь выдержку и диафрагму.* Фраза однозначна несмотря на наличие омонимов у существительного *выдержка*. Мы ожидаем, что в продолжении речь пойдет о фотографировании. Но текст продолжается: *Кстати, о выдержке – многих она подводит. Часто новички не выдерживают и начинают кричать женским голосом!..* (Комок. 2003. № 19) и омонимическая потенция реализуется в двусмысленность.

4) *На экзамене по литературе: – Что вы можете сказать о героине?* Мало кто обратит внимание на омоформ *героине* в этом стандартном вопросе. Продолжение же диалога актуализирует потенциальный омоформ: – *Героин – мощная вещь. А почему вы спрашиваете?*

Наиболее сложно дифференцировать двусмысленность и неопределенность, которая часто определяется как «размытость содержания» (Сколько человек нужно, чтобы их можно было назвать «толпой»? Мальчик разбил стакан – нечаянно или специально?). Неопределенность – не наличие возможности нескольких дискретных интерпретаций у высказывания, а неточность границ понятия. В данном случае мы просто не стоим перед выбором, так как для понимания текста достаточно и самого общего представления:

5) Ср. анекдот: *Встречаются два старых приятеля, которые черт знает сколько не виделись. Один в НИИ работает, второй – новый русский. Новый русский:*

– *Ну, как жизнь?*

– *А хреново. Вот уже три дня ничего не ел.*

Для понимания последней фразы не требуется никакого усилия и, на первый взгляд, никакой двусмысленности нет. Но после прочтения заключительной реплики анекдота, становится ясно, что двусмысленность возникает здесь на основе неопределенности "намеренно-случайно".

– *Ну это ты зря. Надо себя заставлять.*

6) Рассмотрим диалог в аське. Его первая фраза кажется довольно обычной. Мы понимаем фразу, не зная, намеренно ли описанное действие или нет, не стоя перед выбором. Но продолжение диалога формирует такой контекст, который демонстрирует, что подобная неопределенность может привести и к двусмысленности:

*helboof: а вот у меня соседи с утра пораньше Паваротти слушают...)
nosfiratys: helboof, хороший дом, если в одном подъезде рядом оказались люди которые слушают Паваротти и люди, которые на слух определили исполнителя*

helboof: nosfiratys, честно скажу, я не знаю, определили ли соседи Паваротти на слух, но они явно его слушают, ну если на работу не успели еще убежать)))

nosfiratys: helboof, тьфу ты :D (bashorg.ru). В результате мы приходим к пониманию того, что упомянутые в первой фразе соседи слушают Паваротти вовсе не по своей воле.

Следующее рассматриваемое понятие синкретизм (диффузность) – семантическая нерасчлененность лексической единицы, или, иначе, ее способность недискретно выражать более одного значения.

7) Пример двусмысленности, создаваемой на примере синкретизма:

– *Эксперимент доказал, что борода отпугивает противоположный пол. – Точно! я боюсь девок с бородой, отпугиваюсь! (bash.org.ru).* В исходной фразе под противоположным полом имеется в виду женский, но понятие "противоположный пол" включает как женский, так и мужской, что используется интерпретатором для создания шутки.

Таким образом, мы видим, что в случае отождествления полисемии, омонимии, неопределенности и синкретизма с двусмысленностью происходит неразличение механизма и результата, то есть двусмысленность можно считать родовым понятием для остальных.

На настоящее время в русскоязычной научной литературе существует лишь несколько работ, посвященных двусмысленности, или (пользуясь терминами авторов этих работ) омонимии и многозначности в речи (Литвин 2005, Лаптева 2009, Зализняк 2002), причем работа Литвина базируется на англоязычном материале, а работа Анны Зализняк касается в большей степени полисемии, чем двусмысленности. В монографии О.А. Лаптевой «Речевые возможности текстовой омонимии» подробно рассматриваются случаи текстовой омонимии (не все из которых можно отнести к двусмысленности в нашем понимании), без разграничения их на ошибки и приемы. Наше же внимание сосредоточено в первую очередь именно на стилистических приемах двусмысленности.

III. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОШИБОК И ПРИЕМОВ, ВОЗНИКШИХ НА ОСНОВЕ МЕХАНИЗМОВ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ

В последнее время двусмысленность (иначе неоднозначность) «стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» (Плунгян, Рахилина 1996: 4).

Чаще всего двусмысленность, конечно, является нарушением такого качества речи как ясность. Но, несмотря на «отрицательный образ» двусмысленности, она способна функционировать и в качестве стилистического приема, то есть для намеренного создания (и, как правило, последующего разрешения) двусмысленности с целью достижения определенных коммуникативных целей.

Здесь мы сталкиваемся с одной из глобальных проблем элокуции – отсутствием единой удовлетворительной терминосистемы. В громоздких перечнях стилистические приемы часто расположены вообще вне какой-либо системы, вызывая вопрос о наличии для их выделения единого основания. В связи с возрождением интереса к риторике актуализировалась и проблема традиционных (еще с Античности) непоследовательных попыток создания бинарной системы терминов, именующих отдельно ошибки и приемы. Во-первых, существует множество явлений, имеющих нулевую оппозицию, таких, например, как метафора или какофония (хотя и метафора может быть неудачной, а какофония, использованная уместно и повлекшая за собой ожидаемый стилистический эффект, может рассматриваться как прием). Во-вторых, вряд ли можно считать оправданным наличие двух названий для одного и того же языкового механизма, выступающего то в качестве выразительного средства, то в качестве речевой оплошности. Наконец, сложной представляется и сама задача различения приема и ошибки.

Намеренность использования какого-либо языкового явления, которая считается у многих исследователей чуть ли не главным критерием разграничения приемов и ошибок, не может им являться, ведь не всегда употребленное намеренно – удачно и наоборот. Поэтому приводимые некоторыми учеными механизмы возникновения случайной двусмысленности (Москвин 2007, Емельянова 2005) являются в равной степени и механизмами создания приемов. Следует помнить, что в системе стилистических средств под специальными названиями находятся регулярно используемые в речи явления языка, те же, что порождают и ошибки.

Для решения указанной задачи продуктивной является идея определения стилистического (риторического) приема как прагматически мотивированного и моделируемого отклонения от нормы или ее

нейтрального варианта, осуществляемого в речи с целью оказания определенного воздействия на адресата, предложенная А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной (Сковородников, Копнина 2002). Такое определение позволяет отказаться от намеренности, как критерия разграничения приемов и ошибок, но не решает задачу в целом. Оно описывает технику стилистического приема с точки зрения коммуникатора, не учитывая роли реципиента, ведь прагматически мотивированное отклонение от нормы, осуществленное в речи с целью оказания определенного воздействия на адресата, может быть, например, не понято или же было понято, но в силу различных причин не оказало нужного воздействия на адресата.

Рассмотрим, например, такое высказывание директора рекламного агентства в журнале: *"Наша политика – максимально сокращать сроки и бюджеты клиента, давая оптимальные предложения по размещению и организации рекламных кампаний от самых маленьких до мультимиллионных"*. Название журнала «Деловой квартал» и продолжение текста исключают юмористические намерения высказывающегося. Неудачность некоторых рекламных слоганов наглядно иллюстрируется авторами следующих демотиваторов:

Или рассмотрим, например, диалог в аське, иллюстрирующий ошибочную двусмысленность:

VoVa: А я не понимаю, зачем электро-механику философия, социология, религиоведство, психология, педагогика и правозащитничество?

lovesun: как зачем? А кругозор!

lovesun: я б еще живопись и культурологию добавила.

VoVa: Культурология у нас была на втором курсе. Вместо живописи у нас была инженерная графика. Кругозора не было и надеюсь, что не будет (www.bash.im)

Если подобные высказывания и вызывают улыбку, то скорее саркастическую. В то же время подобные явления в других случаях рассматриваются как прагматически мотивированные и выполняющие определенную функцию (как правило, развлекательную). Например, забавная интерпретация потенциально двусмысленной фразы:

xxx: тут по радио: "Водитель, не пропустивший пешехода на зебре, рискует заплатить штраф в размере 1000 руб."

xxx: во-первых, это не пешеход, а наездник (www.bash.im/quote/403314) или основанный на двусмысленности анекдот:

Петька вбегают в штаб и кричит:

– Василий Иванович! Белые в лесу!

Чапаев солидно отвечает:

– Не время, Петька, грибы собирать.

Таким образом, видно, что только прагматическая мотивированность и эффективность отличают прием от ошибки. Соответственно, контекст и, шире, дискурс являются определяющими факторами при квалификации различных лингвистических явлений.

В связи с этим актуальной является проблема различения приемов и ошибок, так как не всегда сразу ясно, специально ли используется двусмысленность или это просто нежелательная неоднозначность. Например: *Новая выставка живописных работ Анатолия Чехлова экспонируется в Шушенской школе искусств (Красноярский рабочий 1991. № 3)*. Использование в данном контексте определения *живописный* может восприниматься двояко. При этом важно отметить, что не всякая преднамеренная двусмысленность удачна, и не всякая случайная – плоха. Например, следующие образцы намеренного создания двусмысленности вряд ли можно назвать очень удачными: *Любители паниковать вспомнили, что есть же еще Красноярская ГЭС, и вот уж если она упадет, то.... В ход пошли расчеты сроков бегства из центральных районов в места скопления деревьев и камней, а также карты затопления города с немногочисленными островками суши, сашими и роллов (журнал ВЫБИРАЙ № 21(180) 2010) или реклама магазина «Техносила»: Техносила: у нас все получают!, в то время как в некоторые примеры случайной двусмысленности могут оказаться весьма забавными: С одного форума, тема про травлю тараканов:*

ДВ: Лучшее травить тараканов вместе с соседями, то есть я хотел сказать сообщая с соседями, чтобы они не бегали из квартиры в квартиру, в смысле, тараканы... (bash.im/quote/408066); или, например, такой диалог:

xxx: Мой одноклассник в университете собирал такую пушку буквально около месяца назад. Работала от 4 больших батареек. Стреляла гвоздями правда. Была тяжелой очень и выглядела не столь элегантно как на видео. Но преподаватель все равно был поражен.

ууу: куда?

Поэтому кажется не вполне оправданным выделять отдельно механизмы создания ошибки и приема, так как различает их только наличие интенции и результат воздействия.

В связи с такой «зыбкостью» границ между приемом и ошибкой нельзя признать удачным выделение сугубо отрицательных или сугубо положительно оцениваемых языковых явлений. Предполагаем, что не существует таких языковых явлений, которые представляют собой только ошибку и не могут в определенных условиях получить статус приема.

В результате анализа нескольких механизмов создания приемов двусмысленности (связанной с омонимией падежных форм, с порядком слов или с неправильным фразовым ударением) были выделены пары «прием-ошибка», что подтверждает мысль о принципиальной возможности подобрать такие пары для всех существующих механизмов создания двусмысленности.

Итак, любой стилистический прием в случае неэффективного употребления становится ошибкой, то есть является явлением двусторонним. Для упорядочивания терминологической системы кажется разумным давать названия только приемам (вернее, самим общепринятым моделям языковой трансформации, отклонениям от нормы).

Средствами различения приемов и ошибок в случае с двусмысленностью являются экспериментальные методы: контент-анализ, дискурсивный анализ, опросы и анкетирования и т.п. Развитие более эффективной методики различения приемов и ошибок важно не только для науки, но и в прикладных целях, для определения целенаправленности использования двусмысленности (возможно, для манипуляции сознанием читателей или слушателей или противостояния ему).

Одним из способов различения ошибки и приема может быть установление жанра, в котором встречено явление, и определение его функций, обусловленных жанром, так как существует явный жанровый и функциональный детерминизм: как прием двусмысленность используется в основном в художественных текстах и малоформатных комических жанрах, выполняя здесь функции развлекательную и эстетическую. В текстах же научного, официального-делового стиля подобные явления преимущественно являются ошибкой в силу своей неуместности. Но безошибочно определить иногда очень тонкую грань между ошибкой и приемом поможет лишь отличное знание языка и развитый языковой вкус.

IV. ОСНОВНАЯ СФЕРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМОВ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ

Если ошибки, вызывающие двусмысленность высказываний, встречаются во всех стилях и сферах речи, то стилистические приемы подобного рода имеют ограниченную сферу использования. Научная и деловая речь хотя и допускают изредка наложение смыслов, но, как правило, за рамки научно-популярной литературы и дипломатических текстов они не выходят. В научно-популярных текстах двусмысленность отчасти развлекает и заставляет задуматься, взглянуть на привычное с неожиданной стороны, дипломатия же преследует цели более утилитарные – замаскировать четкую позицию или выиграть время. В юриспруденции двусмысленность может служить для достижения тех же целей, а может быть случайной помехой, которой стараются избегать (с чем связан особый стиль изложения юридических документов). Например, в статье «Двусмысленность в языке юриспруденции: семантическое расширение или искажение?» пишут о сложностях перевода юридических текстов, в которых встречаются двусмысленные высказывания. Исследование осуществляется на материале пяти полисемичных юридических терминов, которые порождают двусмысленность из-за помещения их в особый контекст, не позволяющий интерпретировать их значение и, соответственно, выбрать адекватный вариант перевода (Larrauri, Monteagudo). Двусмысленность рассматривается также в эконометрии (Laslier 2003), где исследуется не только как явление речи отдельного политика, но и как комплексное явление институциональной политической коммуникации, представляющее собой свойство политических программ иметь несколько возможных интерпретаций, реализуемое намеренно или случайно.

В рекламе двусмысленность позволяет не только передать максимальное количество информации в минимальном контексте, но и привлечь внимание потенциальной аудитории, обеспечив продление зрительного контакта, вызвать положительные эмоции от «разгадывания» многослойности текста. Применение приемов двусмысленности тесно связано с психологическим воздействием на адресата. Реципиент, как правило, получает удовольствие от того, что он понял адресованное ему зашифрованное послание, поскольку людям нравится, когда делают комплимент их интеллекту. Разрешение двусмысленности связано с такими мыслительными процессами как восприятие и понимание. Отсутствие указаний на связь между смыслами, текстом и изображением позволяет адресату самому находить ее и, тем самым, получать удовольствие от инсайта («озарения», понятие из гештальтпсихологии). Человек с развитой сообразительностью мгновенно понимает, какой мыслительной цепочки от него ожидает автор и легко ее строит. При этом двусмысленность, легко читаемая и узнаваемая (в основном пошлого

характера), наоборот, вызывает у него отторжение, как умаляющая его когнитивные способности.

Двуплановость текста делает его более запоминающимся, и, кроме того, позволяет снизить ответственность рекламодателя в случае спорного содержания дополнительного смысла: каждый видит то, что хочет видеть, "в меру своей испорченности" и проч. Таким образом, приемы двусмысленности могут выполнять как эстетическую функцию и функцию привлечения внимания (с помощью семантической рассогласованности), так и функцию эвфемистическую.

В литературоведении существует точка зрения, подробно рассмотренная в работе "Семь видов двусмысленности" У. Эмпсона (1930), что двусмысленность пронизывает всю художественную литературу: *"Игра на неоднозначности коренится в самом существе поэзии"*. Под двусмысленностью он понимал *"логический конфликт между денотативным и коннотативным смыслом слов; т. е. между, так сказать, аскетизмом, стремящимся убить язык, лишая слова всех ассоциаций, и гедонизмом, стремящимся убить язык, рассеивая их смысл среди множественности ассоциаций"* [цит. по Якобсон 1975]. Отечественные литературоведы также считали двусмысленность одним из признаков поэтического языка (Р. Якобсон; В. Шкловский). Ж. Деррида же возвел двусмысленность в абсолют, признавая смысловую "неразрешимость" одним из принципов организации текста. Естественно, что заявленный автором смысл и воспринимаемый адресатами не всегда совпадает, что зависит не только от индивидуальных различий, но и от социального, культурного контекста, например, "Дон Кихот", созданный и воспринимаемый современниками как сатира на отжившие феодальные порядки, в последнее время воспринимается как гимн наивному, но честному рыцарству.

Мы в своем исследовании понимаем двусмысленность более узко – с точки зрения лингвистики – как имеющую более или менее эксплицитное проявление в тексте реализацию потенциальной многозначности или омонимии, вызванную совпадением одного из механизмов порождения двусмысленности с определенным контекстом.

С одной стороны, функции любого средства выразительности, в том числе и приемов двусмысленности, связаны с функцией самого текста, в котором находится явление. С другой стороны, фактический материал показывает отступления от данного положения. Вероятно, здесь не может быть однозначного решения: корреляция функций несомненна, но в то же время она не имеет статуса закона.

В художественной речи эстетическая (поэтическая) функция «игры со словом», иллюстрирующая свежесть взгляда писателя на язык, демонстрирующая выразительных возможностей языковой системы, сочетается с функцией создания комического, когда двусмысленность развлекает, фокусирует наше внимание на многомерности и

несогласованности мира. Например: *То ей начинало казаться, что дорогие – в три-четыре советских зарплаты каждый – флаконы со сказочными названиями, стоящие на длинной полке за спиной продавщицы, недаром находятся в том самом месте, где раньше бодро журчали писсуары; и само название «туалетная вода», выведенное красным фломастером на картонке, вдруг приобретало свой прямой смысл* (В. Пелевин. *Девятый сон Веры Павловны*). В малоформатных комических жанрах приемы двусмысленности выполняют текстообразующую функцию: *Немногие знают, что однажды Ленина арестовали на субботнике за ношение ствола* (Вечерний Красноярск. 2008. № 1).

В таких примерах двусмысленность показывает неожиданное столкновение смыслов, что рассматривается во множестве работ как основной источник юмора (см. работы С. Аттардо, В. Раскина, В.З. Санникова и др.). Кроме того, приемы двусмысленности в художественной литературе могут быть средством характеристики персонажей, как правило, тех, кто способен взглянуть на язык «со стороны», кто еще не овладел им в полной мере (иностранцы, начинающие изучать язык, дети), например: – *Мама, крапива кусается?* – *Да.* – *А как она лает?*; *"По небу полуночи ангел летел..."* – *проникновенно начал мальчик. Динка снова споткнулась на слове, и, не выдержав, дернула Гогу за пиджачок.* – *Подожди... По какой луночи летел ангел? Что такое луночь?* – *с беспокойством спрашивала она, глядя то на сестру, то на Гогу. Те непонимающе пожали плечами.* – *Какая луночь? Надо лучше слушать!* – *рассердился Гога* (В. Осеева. *Динка*) или характеризует носителей языка, обладающих низкой речевой культурой: *Мышка по своему обыкновению, держит на коленях книгу; Никич (старый рабочий. – М.Ю.) молча забирает у нее эту книгу и строго говорит: – Пей чай с пирогами, а не с книгой* (В. Осеева. *Динка*).

Средства создания двусмысленности могут быть как невербальными, так и вербальными. Невербальные средства создания двусмысленности бывают самостоятельными, без текстового сопровождения и креолизованными¹, представляющими собой симбиоз текста и изображения. К "чистым" видам относятся изображения, например:

¹ Креолизованные тексты – "это тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей (вербально языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)" (Сорокин, Тарасов: 180-181).

Большой психологический словарь называет подобные изображения двойственными: это – "изображения, допускающие различные соотношения "фигуры" и "фона" в зависимости от имеющихся у субъекта представлений" (Большой психологический... 2003: 121). Множество подобных работ можно увидеть, например, здесь: <http://www.psy.msu.ru/illusion/ambiguity.html>.

Двусмысленной может быть также ситуация, что часто используется как основа для литературных произведений (например в "Ромео и Джульетте" Джульетта решила, что Ромео мертв и покончила жизнь самоубийством, тогда как он спал), и обыгрывается в анекдотах и шутках (например анекдоты о возвращении мужа из командировки). Это тот случай, когда герои восклицают: "Ты все не так понял/а! Я сейчас все тебе объясню!" (частотны в так называемых ситкомах). Пример двусмысленной ситуации из книги специалиста по креативности фон Эха (von Oech, 1983) пересказан Дайаной Халперн в книге «Психология критического мышления». "Дж. Эдгар Гувер, бывший директор ФБР, просматривал отпечатанную на пишущей машинке копию письма, продиктованного им ранее своей секретарше. Ему не понравилась ширина полей страницы, и он написал на письме: "Следите за границами". Затем попросил секретаршу перепечатать письмо и разослать его копии всем руководящим сотрудникам ФБР. В течение двух последующих недель все агенты ФБР на канадской и мексиканской границах пребывали в повышенной боеготовности". Напиши подобный текст человек из любой другой области, не связанный с государственными границами, никакой двусмысленности не возникло бы.

В современных СМИ, в частности, рекламе, активно используются креолизованные тексты, где двусмысленность создается сочетанием не текста и ситуации, а текста и изображения, например:

Рис. 3.

Рис. 4.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двусмысленность, таким образом, является амбивалентным явлением, свойственным любому естественному языку. По результатам анализа литературы вопроса и фактического материала мы выяснили, что в случае отождествления полисемии, омонимии, неопределенности и синкретизма с двусмысленностью происходит неразличение средств и результата, или, иначе, вызванного этими средствами эффекта. Двусмысленность способна порождаться с помощью множества средств, хотя основные модели ее создания, в частности, в русском языке исчислимы и поддаются описанию. Стечения в речи моделей создания двусмысленности и определенного (благоприятного) контекста могут порождать случайную двусмысленность, являющуюся помехой для коммуникации, а могут использоваться в качестве стилистических приемов, имеющих своей целью достижение какого-либо стилистического эффекта. Основной средой функционирования приемов двусмысленности являются художественные, газетно-публицистические и рекламные тексты, где они, помимо основного назначения – компактной передачи информации – служат для эстетического воздействия на читателей, развлечения, привлечения внимания, эфемистической подачи текстового содержания.

Изучение речевого потенциала двусмысленности еще далеко от завершения. Перспективными представляются как сравнение конкретных реализаций ошибочной двусмысленности с соответствующими стилистическими приемами, так и сопоставление системы способов порождения двусмысленности русского языка с подобными системами в других языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АПРЕСЯН, Ю.Д. (1971), "О регулярной многозначности", *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. Т. XXX, 6, 509-523.
- АРНОЛЬД, И.В. (1981), *Стилистика современного английского языка*, Ленинград, Просвещение.
- БАЛЛИ, Ш. (1955), *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва, Изд-во Иностранной литературы.
- БОЛЬШОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (2003), / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, Санкт-Петербург, Прайм-еврознак.
- БУЛАХОВСКИЙ, Л.А. (1953), *Введение в языкознание*, Ч. 2. Москва, Учпедгиз
- ГВОЗДЕВ, А.Н. (1965), "Очерки по стилистике", Москва, Просвещение.
- ГОЛЕВ, Н.Д. (2000), "Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание" *en Человек – коммуникация – текст*. Вып. 4, проф. А.А. Чувакин (coord.). Барнаул, изд-во Алт. ун-та, 50-63.

- ГОРЯЧЕВ, А.А. (2012), "Экспликация интенций автора и адресата в рекламном тексте" *в* *Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей*, проф. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова (coord.). СПб., Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 196-202.
- ЗАЛИЗНЯК, А.А. (2003), "Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности" *в* *Труды международной конференции «Диалог, 2003»* (Протвино, 11-13 июня 2003 г.). Протвино.
- ЗАЛИЗНЯК, А.А. (2004), "Феномен многозначности и способы его описания", *Вопросы языкознания*, 2, 20-45.
- ИСАЧЕНКО, А.В. (1961), О грамматическом значении // *Вопросы языкознания*, 1, 28-43.
- КИМ, Л.Г. (2006), "Типология амфиболических высказываний в свете коммуникативно-деятельностной концепции языка" *в* *Антропотекст-2: сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию со дня рождения профессора Н.Д. Голева, Т.В. Чернышова* (coord.). Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 135-142.
- ЛИТВИН, Ф.А. (2005), *Многозначность слова в языке и речи*. Москва, КомКнига.
- ЛОГАЧЕВА, И.С. (2009), Языковая омонимия: многообразие подходов и оценок. *Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманит. и соц. науки»*. Архангельск, 2, 53-55.
- МАЛАХОВСКИЙ, Л.В. (2009), *Теория лексической и грамматической омонимии*. Отв. ред. Р.Г. Пиотровский; вступ. Ст. Н.Л. Еремия. Москва, Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- МАТЮШКИН, В.С. (2004), "Умолчания и двусмысленности в рекламе: взгляд с позиции потребителя". *Маркетинг в России и за рубежом*, 4, 29-35.
- МОСКВИН, В.П. (2007), *Выразительные средства современной русской речи*. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, Феникс.
- ОСМАНОВА, Р.А. (1962), "О явлении омонимии в лезгинском литературном языке". *Ученые записки Азербайджанского государственного университета*. Баку: Серия общественных наук, pp. 57-64.
- ПАДУЧЕВА, Е.В. (1982), "Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла", *Семиотика и информатика*. Вып. 18. Москва, pp. 76-119.
- ПЛУНГЯН, В.А., РАХИЛИНА, Е.В. (1996), "Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь", *Русистика сегодня*, 3, 3-30.
- ПОНОМАРЕВА, О.Б. (2006), Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте, *Вестник Тюменского государственного университета*, 4, 212-217.
- ПОТЕБНЯ, А.А. (1958), *Из записок по русской грамматике*. Т. I-II. Москва, Учпедгиз.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А.А. (2002), *Введение в языковедение: учебник для вузов*, под ред. В.А. Виноградова. Москва, Аспект Пресс.
- СКОВОРОДНИКОВ, А.П., КОПНИНА, Г.А. (2002), "Об определении понятия «риторический прием»", *Филологические науки*, 2, 75-80.
- СОРОКИН, ТАРАСОВ (1990), Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. "Креолизованные тексты и их коммуникативная функция" *в* *Оптимизация речевого воздействия*. Москва, Наука.
- ФИЛИППОВА, М.М. (2007), "Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов" *в* *Язык, сознание,*

- коммуникация: Сб. статей. В.В. Красных, А.И. Изотов (coord.). Москва, МАКС Пресс, 34, 4-26.
- ФРЕЙ А. (2006), *Грамматика ошибок*. Москва, УРСС Эдиториал.
- ШАНСКИЙ, Н.М. (1972), *Лексикология современного русского языка*. Москва, Просвещение.
- ЭМАН, Н. (1960), "Об омонимии в немецком языке", *Вопросы языкознания*, 5, 117-124.
- GOMEZ-VEIGA, I., CARRIEDO LOPEZ, N., RUCIAN GALLEGU, M. y VILA CHAVES, J.O. (2010), "Estudio normativo de ambigüedad léxica en castellano, en niños y en adultos", *Psicológica*, 31, 25-47.
- HOSPERS, J. (1989), *An introduction to philosophical analysis*, London, Routledge.
- LARRAURI, L. y MONTEAGUDO, M.A. "La ambigüedad en el lenguaje jurídico: ¿amplitud o distorsión semántica?" [Consulta: 17/11/2011]. Disponible en: <http://www.realiter.net/spip.php?article1651>
- LASLIER, J.-F. (2003), "Ambiguity in electoral competition". Cahiers 2003-001. [Consulta: 25/09/2011]. Disponible a <http://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00242944/en/>
- LEVELT, W.J.M. (1978), "A Survey of Studies in Sentence Perception: 1970–1976", *Studies in the Perception of Language*, 1-74.